

А. А. Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

*С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАФИКА СО СМЕШЕНИЕМ Ъ — О И Ь — Е

§ 1. В работах В. Н. Сидорова по современной и исторической русистике мы находим замечательные образцы того, как конкретные языковые факты получают смысл и порядок в свете фонологической и грамматической теории. Стараясь следовать таким образцам, мы разбираем ниже одну частную проблему древнерусского письма, где для решения спорных вопросов, как представляется, необходимо включение наблюдаемых фактов в рамки более широкого анализа закономерностей графики и орфографии.

Давно известно, что во многих древнерусских памятниках XI–XIV вв. (но также и позднее) имеются случаи употребления буквы *о* вместо требуемого нормой *ѣ* или наоборот, равно как случаи употребления буквы *е* вместо требуемого нормой *ь* или наоборот. Смешение *ь* с *е* нередко сопровождается также смешением их обоих с *ѣ*, что дает тройное смешение *ь — е — ѣ*.

У этих смешений имеются лишь следующие ограничения (почти никогда не нарушаемые): 1) в начале графического слога (т. е. не после согласной буквы) буквы *ѣ* и *ь* невозможны; 2) в составе диграфа *оу* невозможна замена *о* на *ѣ*; в составе диграфа *ѣи* (= буквы *ѣ*) невозможна замена *ѣ* на *о*. В остальном указанные смешения в принципе возможны в любой позиции.

Самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. Такое же явление отмечается, хотя и в ограниченной степени, также во многих книжных памятниках. Особенно широко это явление представлено в берестяных грамотах, а также во многих надписях — на стенах церквей, на иконах и др.

Данное явление традиционно обозначается как смешение *ѣ* с *о* (соответственно *ь* с *е*). Это название — не вполне удачное. Дело в том, что слово “смешение” в обычном употреблении предполагает элемент ошибочности и хаотичности. Между тем в данном случае явно не следует предрешать вопрос о том, являются ли рассматриваемые написания простыми ошибками или нет. Соответственно, более уместным здесь было бы нейтральное название типа “взаимозамена”.

Мы предпочитаем, однако, не отказываться от удобного своей краткостью и привычностью традиционного термина “смешение”, но принять его лишь в качестве условного обозначения, за которым стоит только простая констатация факта нестандартного употребления указанных букв, никак не предвосхищающая решения вопроса о механизме такого употребления.

Приведем здесь цитируемую (см., в частности, Страхов 1995, с. 252) в связи с данным вопросом выдержку из А. И. Соболевского (1900, с. 189): «... позволим себе попенять ему (Б. М. Ляпунову. — А. З.) за то, что он принял грамоту 1229 года с ее смешением ъ и о, ъ и е, ѣ за нечто в своем роде единственное. Подобная орфография не редкость в XII—XIV веках в разных местах тогдашней Руси; с нею мы встречаемся даже в XV и XVI веках. Одни памятники пользуются ею так же, как грамота 1229 года; в других она проведена более или менее слабо. (...) Эти данные показывают, что смешение ъ, ъ с о, е, ѣ не имеет никакого фонетического основания». Нефонетическая природа данного явления констатирована здесь совершенно четко. К сожалению, не вполне однозначен используемый А. И. Соболевским термин “орфография”: он может означать как орфографическую (или даже графическую) систему, так и просто реальное состояние написаний в конкретном памятнике¹.

В статье Зализняк 1982 был выдвинут тезис, что смешение ъ — о и ъ — е (равно как и ѣ — е) является элементом особой графической системы, отличавшейся от наиболее распространенной древнерусской графической системы (“стандартной”) иными правилами употребления некоторых букв — в первую очередь ъ, ъ, о, е². Эта система была обозначена как “бытовая”.

Было обнаружено, что в рамках данной системы подавляющее большинство берестяных грамот написано без ошибок или почти без ошибок. Главным практическим следствием этого стал отказ от господствовавшего в то время взгляда на берестяные грамоты как на записи, кишасшие ошибками, и принятие гораздо более строгих, чем прежде, критериев того, какие интерпретации текста берестяных грамот могут считаться приемлемыми. Соответственно, возникла необходимость пересмотра многочисленных произвольных прочтений, порожденных указанным взглядом, и, действительно, большое число грамот получило уточненное чтение, нередко сильно отличающееся от первоначального. При этом обнаружилось, что также и в синтаксическом отношении и с точки зрения точности выражения мысли тексты берестяных грамот гораздо более строгие и совершенные, чем предполагалось вначале. Отпали те интерпретации, при которых

¹ Считал ли А. И. Соболевский, что указанные смешения представляли собой ошибки, из его текста неясно. Возможно, что в соответствии с духом времени сама постановка такого вопроса не представляла в его глазах научного интереса.

² См. также НГБ 1977–83, с. 94–95, 103–105.

текст грамот представал как беспомощное нагромождение слов или даже их фрагментов. С лингвистической точки зрения главным результатом пересмотра прежних интерпретаций оказалось выявление ряда важных фонетических и морфологических особенностей древненовгородского диалекта, проявления которых первоначально истолковывались как ошибки записи или вообще исчезали из поля зрения в силу ошибочного словоделения и т. п.

За последние 15–20 лет интерес к изучению берестяных грамот резко возрос. Посвященные им статьи и книги появляются во многих странах мира. Безусловное большинство этих работ *de facto* построено на принятии (обычно даже специально не декларируемом) указанного тезиса и вытекающих из него следствий. В частности, истолкования тех или иных пассажей в берестяных грамотах как простых ошибок записи предлагаются ныне уже довольно редко и не с легкостью, характерной для интерпретаторов 50-х — 60-х годов, а обычно лишь после исчерпания других возможностей интерпретации.

Но в некоторых работах выдвигаются и возражения против указанного тезиса. Их можно, по-видимому, свести к двум основным утверждениям (не согласующимся между собой): 1) перед нами не бытовая, а книжная графическая система; 2) перед нами не система, а просто ошибки письма. Первое утверждение выдвигает А. Б. Страхов (1995, с. 252–270). Второе утверждение есть не что иное, как позиция большинства авторов, писавших о берестяных грамотах в 50-е и 60-е годы³. Но оно повторено и в совсем недавнее время — В. Б. Крысько (1998, с. 74) пишет: «Впрочем, в смешении букв ъ и ь, присущем отнюдь не только “бытовой системе письма”, но и многим книжным текстам ..., трудно усматривать особый орфографический прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков».

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы разобрать проблему древнерусской графики со смешением ъ — о и ь — е более подробно, чем это было сделано в краткой статье 1982 г., уделив внимание также выдвинутым критиками возражениям. (Заметим, что для логики изложения мы должны будем при этом в части случаев повторить аргументы, уже приводившиеся в указанной статье; но они будут развиты более полно). Попутно затрагиваются также связанные с данной проблематикой вопросы о смешении ѣ с е (и ь) и џ с ч.

Бытовая или книжная графика

§ 2. В вопросе о бытовом или книжном характере графики со смешением ъ — о, ь — е следует различать два аспекта: 1) степень реальной употребительности данного типа графики в разных жан-

³ На этой же позиции стоял В. Кипарский (1960), который объяснял смешение ъ с о и ь с е, ѣ в списке А договора 1229 г. тем, что его писал не русский, а иностранец.

рах древнерусской письменности XII–XV вв.; 2) происхождение данного типа графики.

Называя графику данного типа “бытовой”, я имел в виду первый из этих аспектов. Вопросы о том, в какой социальной сфере она первоначально возникла, я практически не касался.⁴ Таким образом, термин “бытовой” должен пониматься как наименование по функции, причем именно по той функции, в которой мы реально застаем эту систему в XII–XV вв. (а не по гипотетической первоначальной функции).

А. Б. Страхов (1995) собрал обширный материал с целью показать, что графика такого типа была распространена в книжной письменности XII–XVI вв., и тем самым опровергнуть квалификацию ее как бытовой. Но в действительности его материал оказывается превосходным свидетельством как раз против его тезиса (если иметь в виду первый из указанных выше аспектов), а именно, этот материал с чрезвычайной ясностью показывает, что в XII–XV вв. графика со смешением ъ — о, ь — е играла в книжной письменности неизмеримо более скромную роль, чем в бытовой.

Дело в том, что А. Б. Страхов строит все свои рассуждения в полном отвлечении от количественного фактора. Он не замечает никакой разницы между памятником, где замена ъ на о встречается в 25, 50 или 100% случаев, и памятником, где она встречается один раз на одну-две или целый десяток страниц текста.

Так, например, в Евсевиевом евангелии А. Б. Страхов указывает около 160 случаев мены ъ — о и ь — е. Длина памятника — 140 листов, порядка 33 тысяч слов. Общее количество точек, где должны выступать буквы ъ, ь, о, е (кроме тех, где мена невозможна в силу указанных выше общих ограничений), здесь, исходя из обычных средних соотношений, должно составлять порядка 24 тысяч. Это значит, что писец Евсевий допускает указанные мены примерно в 0,7% случаев (или чуть больше одного раза на две страницы). Мы взяли здесь один из самых насыщенных менами книжных памятников, указанных А. Б. Страховым⁵. Для большинства прочих памятников из его списка эти показатели будут еще намного ниже (нередко речь идет лишь просто о том, что в данном памятнике замечено 3–4 примера мены).

Нужно ли говорить, что сам этот список составляет лишь малую крупицу общего фонда книжной письменности, т. е. господствуют в этом фонде рукописи, где указанных смешений просто нет.

⁴ Было высказано лишь общее предположение (НГБ 1977–83, с. 104), что графическая эквивалентность ъ, ь и о, е “исторически связана прежде всего с представленной, как показал Н. Н. Дурново, по крайней мере в части древнерусских школ церковного чтения манерой читать ъ как о, а ь как е”. Конкретные пути и детали формирования этой особой графической системы не обсуждались.

⁵ По оценке В. М. Живова (1984, с. 262), коэффициент таких замен может доходить в отдельных случаях до 2%.

§ 3. Сравним эти данные с берестяными грамотами. В корпусе берестяных грамот доля таких, где указанное смешение вообще есть, очень велика. В разные периоды она различна. На протяжении двух с половиной веков — с середины XII по конец XIV в. — она превышает 50%, а в середине XIII в. достигает 95% (подробнее см. ниже, § 21–22).

В берестяных грамотах, смешивающих ъ, ъ с о, е, частота таких смешений может быть различной. В некоторой их части (небольшой) смешения отмечаются лишь изредка, т. е. картина здесь в какой-то степени сходна с обсужденными выше книжными памятниками. Но гораздо больше таких грамот, где смешение встречается очень часто.

Следует различать грамоты с двусторонним и с односторонним смешением двух букв, например, ъ и о. В первом случае (который мы обозначаем ъ = о) встречаются замены как в ту, так и в другую сторону по сравнению с обычными написаниями. Во втором случае наблюдаются замены только в каком-то одном направлении, например, от ъ к о (обязательную замену мы в этом случае обозначаем ъ → о, факультативную — ъ → ъ/о или ъ → о/ъ).

Условимся отмечать обычное (“стандартное”) древнерусское написание угловыми скобками. Так, например, нестандартные написания *домо*, *сѡло* соответствуют стандартным *⟨домъ⟩*, *⟨село⟩* (можно записать это и так: *дом⟨ъ⟩*, *с⟨е⟩ло*). Соответственно, мы можем говорить о точках с ⟨ъ⟩ или точках с ⟨о⟩ в той или иной словоформе, независимо от того, какие буквы реально стоят в этих точках в интересующем нас памятнике, например, о точках с ⟨ъ⟩ в словоформе, записанной как *присола* (поскольку в стандартной записи этому соответствует *⟨присѡла⟩*).

Примечание. Слово “стандартный” в данном случае нужно понимать просто как условное обозначение наиболее распространенного в книжной письменности древней Руси типа написаний (ср. НГБ 1977–83, с. 93–94). Не следует приписывать ему значения ‘нормативно-обязательный’ и в особенности значений, свойственных английскому слову *standard* (‘образцовый’, ‘наилучший’).

При одностороннем смешении, например, замене ъ на о, но не наоборот, частота замен в классе точек с ⟨ъ⟩ может варьировать от значений, близких к нулю, до 100%. При 100% мы имеем дело с эффектом ъ → о, при меньших значениях — с эффектом ъ → ъ/о.

Приведем примеры относительно больших берестяных грамот со 100%-ной заменой. Эффект ъ → о: № 644 (10-е — 20-е гг. XII в.) — слабый ⟨ъ⟩, последовательно заменяемый на о, встретился 17 раз⁶; № 630 (2 четв. XII в.) — 12 раз; № 227 (3 четв. XII в.) — 20 раз; № 531 (рубеж XII/XIII вв.) — 47 раз; № 601 (то же время) — 14 раз; № 439 (то

⁶ Разумеется, такой же замене подвергся и всякий сильный ⟨ъ⟩. Но для полной надежности мы здесь и во всех последующих примерах сильные редуцированные из подсчетов исключаем, чтобы снять подозрение, что мы имеем дело просто с записью “прояснившейся” гласной.

же время) — 13 раз; блок 390 (конец XIII в.) — 34 раза; № 622 (2 пол. XIV в.) — 12 раз. Эффект ъ → е (сопровожаемый, вдобавок, эффектом ѣ → е): № 624 (2 пол. XII в.) — слабый <ѣ> встретился 6 раз (и еще 4 раза встретился <ѣ>); № 705 (нач. XIII в.) — 9 раз (и 10 раз <ѣ>); № 439 (см. выше) — 5 раз (и 7 раз <ѣ>).

Заметим, что эффект ѣ → о означает отсутствие буквы ѣ в практическом инвентаре букв пишущего (ѣ как составная часть буквы ы не в счет); при эффекте ѣ → е то же верно для буквы ѣ. Такая ситуация книжным памятникам неизвестна вообще.

При заменах, направленных в сторону ѣ, буква о в инвентаре букв всё же сохраняется, поскольку, как уже указано, она не подлежит замене на ѣ в начале графического слога и в составе *оу*. Буква е может выпасть из инвентаря букв только в том случае, если все постконсонантные е заменяются на ѣ, а в начале графического слога последовательно пишется к. Формулы *о → ѣ*, *е → ѣ* ниже означают последовательную замену во всех позициях, не подпадающих под указанные выше общие ограничения.

Примеры эффекта *е → ѣ*: № 630 (2 четв. XII в.) — <е> после согласной встретилось 9 раз (вдобавок здесь еще эффект ѣ → ѣ; <ѣ> встретился 9 раз); № 510 (1 пол. XIII в.) — <е> 20 раз. Чистого эффекта *о → ѣ* в сколько-нибудь длинных грамотах пока не отмечено.

Приведем также некоторые примеры не вполне последовательных односторонних замен.

Эффект ѣ → о/ѣ: № 705 (нач. XIII в.) — в 19 случаях <ѣ> записан в виде о, но один раз (*азѣ*) — в виде ѣ; блок⁷ грамот Григория (2 пол. XIV в.) — в 42 случаях <ѣ> записан в виде о, один раз (*тогодѣ*) — в виде ѣ. Эффект *о → ѣ/о*: блок 685 (3 четв. XII в.) — в 11 случаях <о> записано в виде ѣ, один раз (*полѣ*) — в виде о. Эффект *е → ѣ/е*: № 752 (рубеж XI/XII вв.) — в 11 случаях <е> записано в виде ѣ, один раз (*аже*) — в виде е. Можно говорить, таким образом, в этих случаях соответственно о 95%, 98%, 92%, 92% замен. Здесь взяты примеры, где процент замен весьма высок. Можно указать множество других берестяных грамот того же типа, где процент замен ниже, но все равно во много раз превосходит тот уровень, который мыслим для книжных памятников.

Рассмотрим теперь случаи двустороннего смешения. Здесь возможны разнообразные варианты, но они в общем тяготеют к одной из двух типовых ситуаций, которые на примере пары ѣ — о могут быть представлены так: 1) как <ѣ>, так и <о> в большинстве случаев записывается стандартно; 2) в классе точек с <ѣ> и в классе точек с <о> распределение записей через ѣ и через о примерно одинаково (допустим, и там и там примерно в трех четвертях случаев пишется о).

Ярким примером ситуации первого рода служит список А смоленского договора 1229 г. Картина здесь такова (для <о> и <е> не учитываются точки, где замена на ѣ, ѣ запрещена):

⁷ Т. е. совокупность грамот, написанных единым почерком.

Класс точек и его численность	Запись через:				
	ѣ	о	ь	е	ѣ
слабые <ѣ> (ок. 140)	91%	9%	—	—	—
<о> (ок. 530)	13%	87%	—	—	—
слабые <ь> (ок. 240)	—	—	60%	34%	6%
<е> (ок. 360)	—	—	17%	67%	16%
<ѣ> (ок. 140)	—	—	14%	27%	59%

Как можно видеть, во всех строках отчетливо преобладает стандартная запись. Но процент замен (особенно в группе ь — е — ѣ) при этом весьма значителен. Подобные примеры (конечно, при гораздо меньшем объеме материала) имеются и среди берестяных грамот.

Ситуация второго рода наблюдается во многих берестяных грамотах. Ограничимся наиболее наглядными примерами.

Грамота № 831 (сер. XII в.). Из ѣ и о автор предпочитает о, из ь и е — ь. Записей через о в классе <ѣ> 72%, в классе <о> — 89%. Записей через ь в классе <ь> 87%, в классе <е> 82%. Поскольку даже в относительно больших берестяных грамотах материала для серьезной статистики недостаточно, точному количеству процентов здесь, разумеется, не следует придавать большого значения; существенна лишь общая картина.

Грамота № 419 (берестяная книжечка с церковным текстом; рубеж XIII/XIV вв.). У этого писца такие же предпочтения, как у предыдущего. Записей через о в классе <ѣ> 92%, в классе <о> 96%. Записей через ь в классе <ь> 80%, в классе <е> 71%, в классе <ѣ> — 86%.

Грамота № 531 (рубеж XII/XIII вв.). Из ь и е автор предпочитает е: записей через е в классе <ь> 92%, в классе <е> 91% (кроме того, в грамоте представлен эффект ѣ → е, т. е. в классе <ѣ> таких записей 100%).

Смоленская берестяная грамота № 12 (сер. XII в.). Из ѣ и о автор предпочитает ѣ: записей через ѣ в классе <ѣ> 90%, в классе <о> 83%.

Понятно, что в ситуации первого рода писец в какой-то степени ориентирован на соблюдение норм стандартной записи. В ситуации второго рода такой ориентации нет; преобладание той или иной из двух букв определяется просто индивидуальным предпочтением пишущего, а на различие между <ѣ> и <о> он не обращает внимания.

В книжных памятниках известны только примеры ситуации первого рода, причем с чрезвычайно низким процентом замен (ср. выше о Евсевиевом евангелии). Ситуация второго рода в книжных памятниках вообще не встречается.

Сравнивая смешение ѣ — о, ь — е в книжной письменности и в бытовой, нужно также учитывать следующее. Способ записи, реализуемый в одном проценте случаев или того реже, никак не может рассматриваться как норма. Почти все примеры, собранные А. Б. Страховым, отражают не что иное, как случаи отклонения писцов от той системы записи, которую они сами расценивали как правильную и престижную. Многочисленные примеры исправлений подобных на-

писаний в книжных памятниках (см. Успенский 1988, с. 154–158) ясно свидетельствуют о том, что книжные писцы сами воспринимали их как оплошность, как проскользнувшее по недосмотру проявление не принятой для книг манеры письма.

Напротив, для бытовой письменности, где процент смешений может быть сколь угодно высок, естественно предполагать, что большинство писавших относилось к записям типа *ихъ* и типа *ихо* как к одинаково правильным. Как известно, авторы берестяных грамот тоже иногда вносили исправления в свой текст. При этом, однако, в грамотах со смешениями исправлений в сторону стандартного написания практически нет. Можно указать, например, написание *коуно*, переправленное в *коунъ*, в грамоте № 526 (сер. XI в.); но сама эта грамота написана по стандартной системе, т. е. ее автор имел ту же установку, что и книжные писцы.

§ 4. Итак, проведенное сравнение показывает:

1) доля памятников, где обнаруживается (хотя бы в слабой форме) смешение ъ — о, ъ — е, в классе книжных памятников незначительна, тогда как в классе берестяных грамот в интервале с середины XII по конец XIV в. она составляет (в разные периоды) от 50 до 95%;

2) интенсивность такого смешения (в памятниках, где оно вообще имеется) составляет в книжных памятниках даже в самых ярких случаях один–два процента (обычно же малые доли процента), тогда как в берестяных грамотах она может достигать высших показателей: 100% при одностороннем смешении, одинакового соотношения числа записей с о и с ъ в классе <о> и в классе <ъ> при двустороннем смешении;

3) книжные писцы, судя по редкости замен данного типа в их записи и по многочисленным исправлениям, относились к ним как к погрешностям, тогда как для большинства авторов берестяных грамот следует предполагать, что они не видели в таких заменах ничего неправильного.

Нет сомнений, таким образом, что в рассматриваемую эпоху основной сферой применения того способа записи, который характеризовался смешением ъ с о и ъ с е, была именно бытовая, а не книжная письменность. Это значит, что квалификация данной системы как “бытовой” в целом удовлетворительно отражает реальный узус XII–XV вв.

Следует, впрочем, признать, что само слово “бытовой” лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления этой системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Однако более точные наименования оказыва-

ются слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Иной вопрос — как и в какой сфере сложилась графическая система со смещениями ъ — о, ъ — е; см. об этом отдельно ниже (§ 20).

Графическая система или просто ошибки

§ 5. Для серьезного разбора данной проблемы необходимо вначале обсудить основные термины и общие положения из области изучения графики, орфографии⁸ и ошибок письма. (Оговоримся, что речь пойдет только о буквенной графике; специфику графических систем других типов нам здесь разбирать нет нужды).

Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем.

Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). Так, в древнерусском письме различными графемами являются, например, *а* и *о*, но также *ѡ* и *Ѡ*, *о* и *ω*, *и* и *і*, *о* и *о* (широкое), *е* и *к*. Различие графем не исключает возможности таких ситуаций, когда какие-то две из них употребляются (в некоторой позиции или даже вообще) безразлично, скажем, *кѣси* и *еѣси*, *Тимоѡѣѣи* и *Тимоѡѣѣи*. В подобных случаях грамотный человек древней Руси несомненно понимал, что *кѣси* и *еѣси* — это два разных написания, хотя оба позволительны.

Графемы делятся на основные (используемые для записи словоформ) и вспомогательные (надстрочные знаки, кроме тех, которые являются частью буквы, знаки препинания и т. п.). Понятие основной графемы представляет собой важнейшее звено на пути к уточнению традиционного понятия буквы; подробнее см. Зализняк 1979, § 4 и 9. В настоящей работе мы будем практически иметь дело именно с буквами.

Основные правила употребления букв — это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть — указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. В простейшем случае основное чтение — это одна конкретная фонема, например: /а/, /у/, /ш/, /j/ для русских букв *а*, *у*, *ш*, *ѣ*; /ʃ/ для французского диграфа *ch*; /ž/ для польской буквы *ż*. Возможны также различные сопутствующие указания, например:

⁸ В вопросе разграничения графики и орфографии нет терминологического единства. Поэтому предлагаемое краткое изложение этого вопроса можно рассматривать как сообщение о том, как именно будут использоваться соответствующие термины в настоящей работе. В принципиальных вопросах мы следуем работе Бодуэна де Куртенэ (1912); подробнее см. Зализняк 1979. Специально отметим, что мы не претендуем здесь на введение “правильной” терминологии, в отличие от прочих, “неправильных”. Любая терминология условна. Важно само различие выделяемых сущностей, какими бы ярлыками они ни были обозначены.

/и/ со смягчением предшествующей согласной — для русского *и*. В особых случаях фонем может быть две или более, с указанием правила распределения (не списочного) или без такого указания, например: /б/ (в общем случае) и /б'/ (перед *ь, е, и, ю, я, ё*) — для русского *б*; /к/ (в общем случае) и /с/ (перед *і, е, у*) — для французского *с*; /с/ или /з/ (без простого правила распределения) — для итальянского *з*. Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими *ь* и *ъ*.

Назовем графически правильной записью некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась⁹. Например, для словоформы [слпók] графически правильны записи *сапог, сапок, сопог, сопок*.

Орфография — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*. Предписанная орфографией запись называется орфографически правильной. При жесткой орфографии для любой словоформы орфографически правильная запись единственна, при менее жесткой в каких-то категориях случаев допускаются варианты.

Примечание. Орфография — необязательный элемент письменной системы. Там, где графика такова, что любой фонетической последовательности соответствует лишь одна графически правильная запись, орфография вообще не нужна.

Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы), скажем, *баран, собака*. В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов; например, индивидуальное правило, требующее писать *заря*, сильнее общего принципа, который требует для И. ед. *заря* такого же написания корня, как, в частности, в И. мн. *зори*.

⁹ Предполагается, что при этом будет соблюдена действующая в языке фонетическая автоматика, например, русское безударное /о/ реализуется в виде [Λ] или [э], конечное /д/ в виде [т] и т. п. (Сказанное нетрудно переформулировать на языке фонологии, но для наших целей нет нужды углубляться в возникающие при этом дополнительные терминологические проблемы).

Ввиду этой иерархии положение в орфографии несколько утрировано можно представить так: высшей инстанцией здесь является орфографический словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но всё же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь. В средневековом обществе, где орфографического словаря нет, в традиционных (не новаторских) школах письма в его роли обычно выступает некоторый корпус рукописей, который признается в данной школе орфографически авторитетным.

Для нас представляет специальный интерес тот факт, что в числе подобных приемов может быть и обращение к данным другого диалекта или языка. Например, носитель окающего говора при записи безударных гласных может опираться на свое произношение (хотя иногда он при этом и ошибется — например, напишет, в соответствии со своим произношением, *пором, рости, боран, стокан*).

§ 6. Необходимо также более подробно рассмотреть вопрос об ошибках письма и их видах.

Условимся называть ошибкой любое отклонение последовательности графем, образующей запись некоторого отрезка речи, от той, которая предписывается для такого отрезка речи действующими правилами графики и орфографии.

Ошибки можно подразделять с точки зрения: а) типа правил, которые они нарушают; б) породившей их причины.

С первой точки зрения различаются:

1) графические ошибки (= ошибки против графики = ошибки против звучания);

2) орфографические ошибки (= ошибки против орфографии).

Графическая ошибка — это запись, не входящая в число графически правильных, иначе говоря, такая, которая, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), дает, причем не в качестве одного из вариантов, а обязательно, не ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Примеры: *парохо, парход, паророход, паруход, пароход* вместо *пароход*.

Примечание. Имеется в виду произношение самого пишущего (а не нормативное). Если, например, он произносит [парухот], то в его записи *паруход* нет графической ошибки.

Орфографическая ошибка — это запись, не входящая в число орфографически правильных, но при этом графически правильная. Примеры: *параход, парохот*. Специально отметим, что в рамках предлагаемой терминологии запись вроде *сима* вместо *зима* (если автор произносит, как и прочие русские, [з'имá]) не относится к числу орфографических ошибок: это ошибка более низкого уровня — графического.

Со второй точки зрения различаются: 1) описки (т. е. ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с меха-

никой письма); 2) собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил).

Заметим, что это разграничение — не стопроцентно четкое. Существенно также, что одна и та же ошибка в одних случаях может быть собственно ошибкой, а в других опiskой. К счастью, для наших целей эти обстоятельства не имеют большого значения.

Среди описок необходимо выделить типовые описки, а именно:

1) пропуск (в частности, недописка) части слова, например, *парход*, *парохо*;

2) перестановка букв (или их последовательностей), например, *рапоход*;

3) повторение буквы или слога — в чистом виде или вместо того, что следовало написать, например, *паароход*, *паророход*, *папоход*, *пароход*;

4) предвосхищение буквы или слога — вместо того, что следовало написать, или (реже) в чистом виде, например, *пороход*, *рароход*.

Ошибки, не входящие ни в одну из этих четырех групп, т. е. такие, которые не могут быть интерпретированы как типовые описки, мы будем называть немеханическими.

§ 7. Основной эмпирический факт, выявляющийся при наблюдении над записями со значительным числом ошибок (в ситуациях, где мы достоверно знаем как графическую систему, используемую пишущими, так и их произношение, т. е. в первую очередь в современных языках) состоит в следующем: подавляющее большинство ошибок против звучания составляют типовые описки.

Но у большинства пишущих, уже вышедших из начальной стадии обучения, количество типовых описок сравнительно невелико; лишь при крайней небрежности, спешке и т. п. их число может сильно возрасти. Подавляющее большинство так называемых вопиюще безграмотных записей, с которыми реально приходится сталкиваться, — это записи с массовыми ошибками не против звучания, а против орфографии. Например, в таких записях может встречаться бесчисленное количество примеров типа *сабака*, *пашол*, *приехол*, *сопоги*, но при этом отсутствуют примеры типа *намер* вместо *номер* или *спол* вместо *спал*. Другую категорию записей, производящих впечатление безграмотных, составляют записи носителей диалекта (или иностранцев), чья фонетика отличается от стандартной. В таких записях могут встретиться, например, *хвос*, *кось* вместо *хвост*, *кость*, *сем*, *восем* вместо *семь*, *восемь* и т. п.; но как уже указано выше, это не ошибки против звучания, если эти люди так и произносят.

Иную картину обнаруживают лишь записи детей (но также и взрослых), находящихся на самом начальном этапе обучения грамоте, — когда ученик еще нетвердо запомнил начертания букв и их основные чтения. На этой стадии, например, *н* может путаться с *и*, *б* с *в*, *у* с *х* и вообще что угодно с чем угодно. Но эта категория запи-

сей составляет лишь ничтожную долю в совокупном фонде записей, в том числе и бытовых. Главное же в том, что она легко может быть опознана — именно по признаку смещения букв, внешне похожих, равно как по многим другим признакам, выдающим отсутствие у автора всякого опыта письма. Среди берестяных грамот к этой категории, по-видимому, можно отнести лишь несколько каракулеобразных записей, где не читается вообще никаких целых слов. Все остальные находятся выше этого уровня. И уж заведомо не может быть и речи о том, что на таком уровне находился, например, писец списка А смоленского договора 1229 г.

Примечание. При обучении кириллице повышенную трудность для обучаемых составляет передача мягкости согласных, поскольку в этом случае различие согласных фонем отражается на письме не прямо, а косвенно — через выбор буквы для последующей гласной. Соответственно, ошибки типа *та* вместо *тя* и наоборот могут сохраняться и на более продвинутом этапе освоения графики. Однако и этот барьер подавляющим большинством пишущих преодолевается вполне успешно. В частности, в берестяных грамотах ошибки этого рода, которые нельзя было бы отнести за счет особенностей диалектной фонетики, встречаются чрезвычайно редко.

Немеханические ошибки против звучания, во-первых, встречаются в записях (кроме отмеченной категории, связанной с начальной стадией обучения) вообще очень редко, во-вторых, не образуют никаких однородных групп. Человек может, например, написать *кароход* вместо *пароход* по какой-то единичной случайной причине — скажем, потому, что у него мелькнуло в сознании слово *корабль*, и т. п., но эта ошибка в нормальном случае ни у него, ни тем более у других людей уже не повторится.

Указанный выше эмпирический факт означает, что, хотя имеется очень много пишущих, плохо владеющих (или даже совсем не владеющих) орфографией, практически всякий пишущий, уже вышедший из начальной стадии обучения, владеет основными правилами чтения (или, что равносильно, владеет графикой). Это утверждение можно обозначить как принцип графической компетенции нормального (т. е. вышедшего из начальной стадии обучения) пишущего.

Данный принцип *de facto* превосходно известен любому историку языка, работающему с письменными памятниками (хотя он обычно и не формулируется в явном виде). Именно он служит логическим фундаментом для всех умозаключений типа: «В памятниках такого-то языка (или диалекта) с такого-то века вместо *ѣ* в значительном количестве случаев встречается написание *и*; следовательно, не позднее этого века здесь произошел, хотя бы в некоторых говорах и хотя бы в некоторых позициях, переход [ѣ] > [и]». При этом во всех аккуратных рассуждениях такого рода непременно показывается, что приводимые примеры *и* вместо *ѣ* не могут быть объяснены как типовые описки, что их достаточно много, чтобы исключить версию о чистой случайности и что нет каких-то индивидуальных причин, по

которым именно те слова, где встретилась запись с *и* вместо *ѣ*, непоказательны. Если бы можно было допустить, что все отмеченные написания *и* вместо *ѣ* — это просто ошибки против звучания, истекающие лишь из нетвердости навыков письма у соответствующих писцов, умозаключения указанного классического типа потеряли бы всякую силу.

Каков характер ошибки, которую допускает писец, уже произносящий [с'іно] вместо прежнего [с'ѣно], когда он пишет *сино*, а не *сѣно*? Это, конечно, ошибка против орфографии, если орфографическая норма той эпохи требовала традиционного написания. Но против звучания (= против графики) здесь ошибки нет: буква *и* несомненно имела основное значение [и], следовательно, запись нашего писца графически правильна. Иначе говоря, этот писец никак не нарушил сформулированного выше основного принципа.

Историк языка пользуется здесь для своих заключений орфографической нетвердостью такого писца; но при этом он существенным образом опирается (как мы видели, с полным основанием) на презумпцию его графической компетенции.

§ 8. Можно ли заключить, что во всех случаях, когда мы наблюдаем то, что выглядит как массовые немеханические ошибки против звучания, мы имеем в действительности дело с отражением некоторого фонетического изменения?

Некоторые примеры показывают, что такое заключение было бы поспешным.

Рассмотрим вопрос о так наз. одноеровом письме в древней Руси. Уже давно установлено, что некоторые памятники XI–XII вв., писанные на Руси, используют лишь одну букву (обычно *ѣ*) на месте обоих этимологических редуцированных — **ѣ* и **ь* (см., в частности, Тот 1978), причем в числе этих памятников есть не только списки со старославянских оригиналов (где хотя бы в принципе можно предположить слепое копирование этих оригиналов), но и тексты, созданные на Руси, — прежде всего берестяные грамоты № 109, 380, 527, 586, 745 (а также свинцовая грамота № 1), к которым ныне добавился еще ряд грамот из недавних находок — № 821, 877, 900, 907.

Одноеровая графика на южнославянской территории может быть прямо или косвенно связана с тем, что в значительной части южнославянских диалектов **ѣ* и **ь* совпали. Но на восточнославянской территории нет никаких признаков такого совпадения — ни в каком из диалектов (частные явления, касающиеся лишь некоторых позиций, в данном случае в счет не идут).

Коль скоро это так, мы не можем объяснить написания типа *Плъскове* (вместо *Пль-*) в грамоте № 109 или *татѣѣѣ* (вместо *татѣѣѣ*) в грамоте № 907 как отражение перехода [ь] > [ѣ] в говоре соответствующих писцов. Поскольку версия о простом нагромождении ошибок ввиду систематического характера данного явления в рас-

смаатриваемом классе памятников тоже исключается, остается только одна возможность объяснения, не противоречащая сформулированным выше общим закономерностям. Она состоит в том, что писцы данного класса памятников были носителями несколько иной графической системы, чем та основная, которая представлена в большинстве древнерусских памятников. В этой графической системе буквы ъ просто не было, а у буквы ѣ было не одно, а два основных чтения — [ѣ] и [ѡ] (без каких-либо простых правил распределения).

Заметим, что системный характер одноеровой графики никто, собственно, и не оспаривает; никто не пытается объяснить одноеровые документы как продукты недостаточной грамотности писавших. Нам этот пример важен для того, чтобы он помог в дальнейшем разобраться с другими, уже не столь единодушно решаемыми графическими проблемами.

Пример одноеровой системы побуждает нас несколько шире рассмотреть вопрос о возможных “непрямых” (неидеальных) соответствиях между буквами и фонемами.

Одноеровая система есть пример системы, где двум разным фонемам соответствует лишь одна буква. В графических системах разных языков и разных эпох можно указать немало других примеров такого же рода. Так, в итальянской графике буквам *e*, *o*, *s*, *z* соответствует по две фонемы (/ε/ и /e/; /ɔ/ и /o/; /s/ и /z/; /c/ и /z/). В английской графике *th* передает /θ/ и /ð/. В словенской графике *e* передает три разных фонемы, *o* — две. В истории русского языка в подавляющем большинстве систем одинаково передавались на письме /ɔ/ и /ô/, /и/ и /j/ (после гласной). В современной русской графике (а именно, в ее обычном варианте, не использующем букву *ѣ*) *e* = /je/ и /jo/ (после согласной — /e/ и /o/).

И уж совсем обычная вещь (как в средневековых системах, так и в современных) — передача одной и той же фонемы двумя, тремя и более способами. Так, в древнерусском такое соотношение представлено в группах: *ou* ~ *y* ~ *ж* ~ *ѣ*; *ѣ* ~ *ѡ*; *o* ~ *ω*; *и* ~ *і*; *ѣ* ~ *ѣ* (в цокающих говорах). В новогреческом: *ι* ~ *η* ~ *ει* ~ *υ* ~ *οι* ~ *υι*; *ο* ~ *ω* и др.

Существенно то, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность такой ситуации, оба типа асимметрии (“две буквы — одна фонема” и “две фонемы — одна буква”) могут совмещаться в одном и том же фрагменте графической системы. Яркие примеры здесь могут быть приведены из истории русского языка. Так, буквы *и* и *і* передают фонемы /и/ и /j/, но без закрепления одной буквы за одной фонемой. Буквы *о* и *ω* передают фонемы /ɔ/ и /ô/, опять-таки без закрепления одной буквы за одной фонемой (если не считать некоторых редкостных школ письма). См. об этом подробнее НГБ 1977–83, с. 95.

§ 9. Рассмотрим теперь, с учетом выявленных общих закономерностей, вопрос о смешении ѣ с о и ѡ с е.

Это явление наблюдается как в ранне-, так и в позднерусскую эпоху, т. е. до, во время и после падения (и “прояснения”) ре-

дуцированных. Во все эти периоды основная (“стандартная”) древнерусская графическая система четко различает эти буквы. В раннедревнерусский период в данной системе основные значения этих букв таковы: ъ — /ъ/, о — /о/, ь — /’ь/, е — /’е/ (после согласной буквы) и /je/ (в начале слога). В позднедревнерусский период: ъ, ь — нуль звука (с указанием соответственно на твердость или мягкость предшествующей согласной), о — /о/ или /ô/, е — то же, что в раннедревнерусском.

Единственный класс случаев, где между буквами ъ и о (соответственно между ь и е) были возможны фонетически обусловленные колебания, — это этимологические *ѣ, *ѥ в сильной позиции¹⁰ (обозначим эту совокупность точек как “зону прояснения еров”) в эпоху, когда шел процесс падения и прояснения редуцированных. Во все другие периоды и во всех других случаях фонологическое различие между единицами, выражаемыми (в стандартной графической системе) буквами о, е и буквами ъ, ь, было совершенно четко. Оно было ничуть не менее реально, чем, скажем, различие между /о/ и /у/ или /е/ и /и/, причем это одинаково верно как для раннего противопоставления /о/ ~ /ъ/ (/е/ ~ /ь/), так и для позднего /о/ ~ /ø/ (/е/ ~ /ø/).

Иначе говоря, написания типа *домо* (вместо *домъ*), *чьтъ* (вместо *что*), *коне* (вместо *конь*), *сьло* (вместо *село*) являются с точки зрения стандартной древнерусской графической системы (как ранней, так и поздней) ошибками против звучания.

Эти написания имеют, как мы знаем, в соответствующем классе документов массовый характер, который сохраняется и после того, как исключить из рассмотрения те частные случаи, когда они в принципе могли бы быть типовыми описками.

Как мы видели выше, в такой ситуации имеется лишь два возможных объяснения:

1) в говоре пишущих произошло некоторое фонетическое изменение, которое привело к смещению соответствующих фонем;

2) авторы таких документов имели другое представление об основном чтении букв ъ и о (соответственно ь и е), чем в стандартной древнерусской графической системе.

Рассмотрим вопрос о возможном фонетическом изменении. Как уже указано, в одном частном случае — в зоне прояснения еров — фонетическое изменение интересующего нас типа действительно произошло. Вполне естественно, что в период протекания процесса прояснения еров параллельно употреблялись написания *възьми* и *возьми*, *мълви* и *молви*, *гривънъ* и *гривенъ*, *чьсть* и *честь*, *първыи* и *первыи* и т. п., то есть в этой зоне действительно было возможно безразличное употребление ъ и о, ь и е. Однако все другие известные примеры аналогичных ситуаций однозначно указывают на то, что

¹⁰ Для точности к ним следует присоединить также слабые *ѣ, *ѥ в составе сочетаний типа *ТръТ* и других сложных сочетаний, где слабые редуцированные не падали, а сохранялись в виде гласной.

подобное безразличное употребление двух букв, ограниченное определенной позицией (или определенным классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смешения этих букв; иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами. Так, например, в “безграмотном” (т. е. не соблюдающем правил орфографии) русском письме: в безударной позиции постоянно смешиваются *о* и *а*, *е* и *и*; на конце слова смешиваются *д* и *т*, *з* и *с* и т. д.; после шипящих смешиваются *у* и *ю*, *а* и *я*. Однако ни ныне, ни в средневековой письменности нет даже намеков на формирование всеобщего (не зависящего от позиции) безразличного употребления *о* и *а*, или *е* и *и*, или *д* и *т*, или *у* и *ю*.

Л. Л. Касаткин (1996) высказал гипотезу, что в севернорусских говорах в некоторых фразовых условиях в /о/ мог развиваться также конечный слабый /ъ/. Но даже если отвлечься от того, что это отнюдь не единственное возможное объяснение разбираемых им диалектных фактов, речь здесь идет лишь об еще одной, причем достаточно специальной, позиции (конец слова, находящегося в определенных фразовых условиях). Никаких оснований предполагать всеобщее (т. е. возможное во всех позициях) смешение /ъ/ с /о/ или /ь/ с /е/ данные современных говоров не дают.

Здесь следует, правда, принять во внимание обстоятельство совсем иного рода. Как показали А. А. Шахматов (1915) и Н. Н. Дурново (1924–27), на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой ъ и ь читались соответственно как /о/ и /е/ (см. об этом в первую очередь Успенский 1988/1997). С интересующей нас точки зрения это искусственное произношение равносильно такой воображаемой форме древнерусского языка, в которой произошло всеобщее фонетическое изменение /ъ/ > /о/, /ь/ > /е/. Для такой его формы эквивалентность букв ъ и о, ь и е оказывается фонетически оправданной. Однако те тексты, в которых смешение ъ — о, ь — е представлено наиболее широко, т. е. бытовые (и отчасти официальные), несомненно соотносятся не с искусственным церковным, а с живым произношением, где различие /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/ прекрасно сохранялось. Это значит, что в бытовой письменности смешение ъ и о, ь и е (за пределами зоны прояснения еров) не может объясняться совпадением соответствующих фонем в речи авторов таких записей.

Добавим к этому, что за рамками смешений ъ — о, ь — е, а также е (и ь) с ѣ в рассматриваемом классе текстов практически нет немеханических ошибок против звучания. Почти все другие немеханические отклонения (неморфологического характера) от стандартного вида записи успешно могут быть объяснены фонетическими причинами (как, например, написания типа *лотка* вместо *лодка*, *церковъ* вместо *церковь* и т. п.; относительно смешения *ц* и *ч* см. отдельно § 19).

Существенно также то, что писцы берестяных грамот или смоленского договора 1229 г. безусловно владеют целым рядом чисто

орфографических правил. Прежде всего, они соблюдают правила, ограничивающие саму сферу смешения *ѣ* с *о* и *ѡ* с *е*, а именно, правила, запрещающие писать *ѣ*, *ѡ* вместо *о*, *е* в *опать*, *есть* и т. п. (в отличие, скажем, от *конь*, *село*). Уже одно это несовместимо с версией о том, что эти писцы просто путали по малограмотности буквы *ѣ* и *о* (или *ѡ* и *е*). Кроме того, эти писцы обычно обнаруживают также хорошее владение такими орфографическими правилами, как, например, распределение *оу* и *у*, *і* и *и*, *ѡ* и *о*, *ѡ* широкого и *о* узкого и др. (конкретный набор действующих орфографических правил в разных памятниках различен). При названной версии пришлось бы признать, что научиться всем этим правилам (опирающимся, между прочим, на отнюдь не очевидное для профана понятие начала графического слога) им вполне удалось, а вот правило «слышишь /о/ — пиши *о*, слышишь /ѣ/ — пиши *ѣ*» оказалось для них слишком трудным.

Итак, версия о том, что написания типа *домо*, *коне*, *чьтѣ*, *сьло* — это просто ошибки, не выдерживает критики. Принять эту версию — значит допустить, что в древнерусском письме существовала уникальная ситуация, не наблюдаемая более ни в какой другой письменности, т. е. что на процесс письма в древней Руси не распространялись общие закономерности функционирования графических систем (в частности, закономерности возникновения ошибок). Более того — пришлось бы допустить, что эта уникальная аномалия древнерусского письма касается только смешения *ѣ* — *о*, *ѡ* — *е* (и *ѣ*), поскольку в отношении всех остальных букв древнерусское письмо ведет себя в полном соответствии с общими закономерностями.

Из всего сказанного следует, что остается лишь одно возможное объяснение записей с систематическим смешением *ѣ* — *о*, *ѡ* — *е*: авторы таких записей имели иное представление об основном чтении букв *ѣ* и *о* (равно как *ѡ* и *е*), чем в стандартной графической системе. Это представление должно было состоять в том, что буквы *ѣ* и *о* (соответственно *ѡ* и *е*) омофоничны, т. е. их основные чтения одинаковы. Так, у *о* было два основных чтения: /о/ и /ѣ/; и те же основные чтения были у *ѣ*.

Сосуществование графических систем

§ 10. Вывод о том, что авторы записей с массовым смешением *ѣ* — *о*, *ѡ* — *е* пользовались особой графической системой, отличной от стандартной древнерусской, означает, что в древнерусском обществе сосуществовали по крайней мере две графические системы: стандартная и система со смешением *ѣ* — *о* и/или *ѡ* — *е*.

Что сосуществование такого рода вообще возможно, не вызывает сомнений. Достаточно указать хотя бы на уже рассмотренную выше одноеровую графику, которая бесспорно сосуществовала с обычной (двуеровой).

Графическую систему, сосуществующую с основной и отличающуюся от нее тем, что некоторые фонемы, различно передаваемые в

основной системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково, можно назвать **неполноразличительной**.

Древнерусская система со смещением ъ — о и/или ь — е с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как **неполноразличительная** (тогда как обозначение “бытовая” есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции). Неполноразличительной была и одноеровая система.

Примеры сосуществования графических систем обнаруживаются не только в средневековье. Для нас представляет значительный интерес пример такого рода в современном русском письме, а именно, сосуществование графической системы с ё и графической системы без ё (неполноразличительной). Общераспространенной, как известно, является вторая. Система с ё применяется лишь в словарях, в части учебных текстов и в некоторых особых случаях.

Тот факт, что мы имеем здесь дело именно с разными системами (а не с ошибками или вольностями в пределах единой системы), ясно виден, в частности, из понятия об ошибках: написание *тетка* в заглавном слове словаря есть прямая ошибка, тогда как в обычном тексте это не только не ошибка, но даже и не вольность, а безусловная норма.

Примечание. Не следует думать, что особый статус буквы ё (а именно, ее невхождение в общераспространенную графическую систему) определяется просто тем, что она отличается от обычного е лишь надстрочным знаком. Точно в такой же степени буква ѵ отличается от и; между тем графической системы без ѵ в современной письменной практике не существует. Таким образом, дело здесь не в форме буквы ё, а в силе традиции: графическая система, сложившаяся до появления буквы ё, оказалась в данном случае высокоустойчивой. Существенную роль здесь сыграло то, что буква ё была введена лишь для позиции под ударением (что не соответствует общему принципу русской орфографии, согласно которому запись морфемы от места ударения не зависит). Тем самым буква ё приобрела сопутствующую функцию знака ударения. Соответственно, графическая система, в которой ударения не обозначаются, получила естественный импульс к неприятию этой буквы.

Аналогию между тремя упомянутыми примерами сосуществования графических систем можно показать наглядно (для удобства система со смещением ъ — о взята здесь в своем предельном варианте — с эффектом ъ → о, т. е. вообще без буквы ъ):

	Пример 1 (др.-русс.)	Пример 2 (др.-русс.)	Пример 3 (соврем. русск.)
Система I (с более полным различием)	<i>конъ, конъ</i> (обычная система)	<i>далъ, дало</i> (обычная система)	<i>сёл, сел</i> (система с ё)
Система II (неполноразличительная)	<i>конъ, конъ</i> (одноеровая система)	<i>дало, дало</i> (система с эффектом ъ → о)	<i>сел, сел</i> (обычная система)

Бросающееся в глаза различие между примером 3 и примерами 1, 2 состоит в том, какая графическая система (I или II) выступает в качестве обычной, общераспространенной и какая оказывается периферийной. Но это различие касается только способа социального использования соответствующих систем; с точки зрения строения этих систем все три примера вполне сходны.

Что касается систем со смещением ъ — о, ь — е, то здесь ситуация фактически сложнее, чем в примерах 1 и 3, поскольку имеется не только вариант с эффектом ъ → о (соответственно ь → е), но и варианты с эффектами типа ъ = о или ъ → ъ/о, где используется как буква о, так и буква ъ. Но это усложнение не меняет ситуации в принципе. Просто вместо единого о (передающего как /о/, так и /ъ/), с которым мы имеем дело в варианте с эффектом ъ → о, здесь используются две омофоничные буквы (о и ъ) — подобно тому, как вместо единого и (передающего две фонемы — /и/ и /ј/) в системе, где есть также і, используются две омофоничные буквы (и и і).

Сосуществование двух графических систем в одном и том же обществе неизбежно должно приводить к некоторому их взаимодействию и взаимовлиянию.

Поскольку все грамотные люди сталкиваются (по крайней мере в своем опыте чтения) с обеими системами, каждый из них если и не овладевает обеими системами, то во всяком случае имеет некоторое представление о второй системе, отличной от той, которой он был обучен. Так, любой грамотный русский нашего времени знает о существовании (и звуковом значении) буквы ё, даже если он никогда в жизни сам ее на письме не употреблял. Точно так же носители графической системы без буквы ъ в действительности знали о существовании этой буквы, так как встречали ее при чтении.

§ 11. Рассмотрим подробнее функционирование сосуществующих графических систем, различающихся по трактовке букв ъ и о, ь и е, а также соответствующие им формы обучения. Начнем с анализа каждой из этих систем изнутри, в идеализированном независимом виде, временно отвлекаясь от вопросов их взаимодействия. Чтобы упростить изложение, все принципиальные вопросы разбираются на материале одной пары букв: ъ и о. Ситуация с парой ь — е во всех существенных моментах аналогична.

В основу нашего разбора положены следующие три дихотомии:

1. В способе чтения письменного текста: письменный текст читается в естественном древнерусском произношении (с различием /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/) или в искусственном церковном (книжном) произношении, лишенном фонем /ъ/ и /ь/, которые заменяются соответственно на /о/ и /е/.

2. В способе распределения букв ъ и о (ь и е) на письме: в письменном тексте соблюдается стандартное (соответствующее этимоло-

гии и живому древнерусскому произношению) распределение букв ъ и о (ь и е) или представлено их смешение, т. е. те или иные неединичные отклонения от стандартного распределения.

3. В способе обучения грамоте: происходит двустороннее обучение (как чтению, так и письму) или одностороннее — только чтению (о существовании и важной роли подобного одностороннего обучения см. Успенский 1988/1997, с. 150). Общим для обоих вариантов является обучение графической системе, т. е. начертаниям букв и их основным чтениям. Обучение орфографии происходит только в первом варианте, но не во втором.

Примечание. Как будет видно ниже, выделение только этих двух крайних вариантов обучения представляет собой некоторую идеализацию (поскольку существовали также переходные формы между ними); но для упрощения разбора эта идеализация удобна.

§ 12. Начнем с ситуации, где предполагается естественное произношение при чтении письменного текста.

Стандартная графическая система. Основные чтения букв ъ и о здесь таковы: о — /о/, ъ — /ъ/ (в позднерусский период уже не /ъ/, а нуль звука с указанием на твердость предшествующей согласной).

При данной графической системе в части, относящейся к буквам ъ и о, в ранний период орфографические правила просто отсутствуют (они не нужны), в поздний они ограничены вопросом о том, нужно ли писать ъ в середине слова.

Если учитель был носителем данной системы, то, обучая чтению по складам, он должен был среди прочего сообщить ученикам: «бо — это /бо/, бѣ — это /бѣ/» (в позднерусский период он должен был так или иначе довести до их сведения, что бѣ — это /б/; о возможных различиях дидактических форм, в которых это делалось, см. Успенский 1970/1997, с. 266).

Ученик, прошедший такое обучение, писал по стандартной системе — как при двустороннем, так и при одностороннем обучении (разве что в поздний период в случае одностороннего обучения он мог по своему произволу выбирать между написаниями типа *столь* и типа *сѣтъль*).

§ 13. Неполноразличительная графическая система. Основные чтения букв о и ъ в этом случае одинаковы, а именно, и та и другая передает /о/ или /ъ/ (в поздний период вместо /ъ/ мы уже имеем дело с нулем звука; далее мы этого уже больше не оговариваем). Двумя буквами передаются две фонемы, но без закрепления одной из букв за одной из фонем. В частности, буква ъ не ассоциируется специально именно с фонемой /ъ/.

Орфографическая регламентация минимальна: в том, что касается ъ и ь, она практически состоит лишь в том, что эти буквы запре-

щается употреблять в начале графического слога¹¹. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с записью графически правильной, но почти без орфографии.

Каким образом могла в данном случае происходить передача графической системы и соответствующих навыков от старших поколений к младшим? Нет необходимости предполагать, что существовали специальные школы, руководимые учителями-профессионалами, где обучали именно неполноразличительной системе, а не стандартной. Однако трудно сомневаться в том, что какие-то из носителей именно такой системы иногда оказывались в роли обучающихся — например, знакомили с начатками грамоты своих или соседских детей.

Как мог поступать такой обучающий? Следует предполагать, что, как и при обучении церковному чтению, он должен был, знакомя учеников со складами, сообщить им, что *бо* — это /бо/ и *бъ* — это тоже /бо/.

Рассмотрим вначале тот вариант, когда обучали только читать.

Осознание того, что записям с *бо* или *бъ* в их собственной речи может соответствовать не только /бо/, но иногда и /бъ/, могло приходиться к ученикам различными путями. Вдумчивый учитель мог и прямо указать им на это. Но многие обучающие такого рода, вероятно, и сами этого ясно не осознавали и ничего об этом не говорили. Их ученики должны были усваивать это просто из опыта чтения. Для сравнения: двузначность буквы *о*, которая в позднерусский период передавала фонемы /э/ и /ѐ/, при обучении обычно никак не отмечалась; соответственно, ученики привыкали к тому, что на это различие не нужно обращать внимания (хотя, конечно, они в принципе могли бы прекрасно его осознать, как хорошо известно из опыта диалектологов).

Вполне вероятно, впрочем, что при обучении чтению даже и такой обучающий требовал от учеников не живого произношения читаемых слов, скажем, /лѣбъ/, /чѣто/, а искусственного, особенно при начальном чтении по складам: /ло-бо/, /че-то/. Но это не снимает интересующей нас проблемы, а лишь передвигает ее на следующий уровень. Ученик и в этом случае должен был усвоить из опыта, что подобные искусственные /ло-бо/, /до-мо/, /со-то/, /ко-ло/ соответствуют в его собственной речи разному: /лѣбъ/, /домъ/, /сѣто/, /коло/.

Существенно то, что отсутствие специальной ассоциативной связи между фонемой /ѣ/ и буквой ѣ, характерное для такого учителя, переходило и к его ученикам.

¹¹ Что касается ѣ в составе *ѣи* и *о* в составе *оу*, то здесь со временем произошло сращение двух отдельных букв (устойчивое в случае *ѣи*, менее устойчивое в случае *оу*) в самостоятельную графическую единицу. В церковных памятниках изредка всё же встречается смешение ѣ и о в составе *ѣи* и *оу*, т. е. написания *оѣ*, *ѣу* (см. Успенский 1988/1997, с. 154, 158, 193–194); но в берестяных грамотах таких случаев нет. После образования самостоятельных графических единиц *ѣи* и *оу* элементы ѣ и о в их составе уже более не отождествляются с обычными буквами ѣ и о и тем самым не участвуют в буквенных заменах.

Как должен был в этом случае писать ученик, которого обучали только чтению? Для записи своего /о/ он располагал двумя возможностями: о и ъ. Выбирать между ними он мог по своему произволу.

Что касается записи /ъ/, то при такой форме обучения он неизбежно приходил к представлению о том, что для письма разница между /ъ/ и /о/ несущественна. Тем самым для записи /ъ/ он располагал теми же двумя возможностями: о и ъ.

Разумеется, при письме он мог опираться на то, что какое-то число орфограмм он просто запомнил из опыта чтения. Но никакой записанный текст не состоит целиком из запомненных орфограмм; хотя бы часть слов записывается по слуху. Записывая по слуху, такой ученик мог безразлично употреблять то о, то ъ (как для /о/, так и для /ъ/) или выработать свое индивидуальное предпочтение к какой-то одной из этих букв — умеренное или даже абсолютное. В результате получалась запись одного из тех типов, которые продемонстрированы в § 3 на примере различных берестяных грамот.

В варианте, когда обучали не только читать, но и писать, учитель в какой-то момент должен был прямо указать ученикам на то, что для записи разница между /ъ/ и /о/ несущественна, или как минимум молчаливо приучить их к этой мысли, никогда не исправляя в этом пункте их учебные записи.

Учитель мог также непосредственно влиять на формирование у учеников общего предпочтения к о или к ъ. В частности, у учителя, который сам всегда писал о (а не ъ), этот навык скорее всего перенимали и его ученики¹². Однако ныне мы должны признать чрезмерно категоричным утверждение (содержащееся в Зализняк 1982, с. 83), что эффект ъ → о мог сформироваться у ученика только под влиянием именно такого учителя: это могла быть и просто крайняя форма индивидуального предпочтения.

При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать ъ и ь в начале графического слога.

Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается¹³. Из этого можно заключить, что чистое обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ѡлатъ* или *ѡсть*). Например, Онфим мог всё же показывать иногда свои упраж-

¹² В принципе можно было бы даже представить себе фигуру учителя, который вообще ничего не сообщал ученикам о самом существовании буквы ъ. Но такая ситуация всё же маловероятна: во всех дошедших до нас учебных азбуках на бересте буква ъ есть. И, конечно, ученик (как и учитель) должен был сталкиваться с этой буквой при чтении.

¹³ Нам известно в настоящее время лишь два примера нарушения этого правила: *Пантелѣ* в берестяной грамоте № 561 и *приими ь* в № 737.

нения учителю, и, если тот делал ему какие-то замечания, то это был уже элемент обучения письму как таковому.

Итак, если обучающий был носителем неполноразличительной системы, то независимо от способа обучения ученик начинал писать тоже по неполноразличительной системе.

§ 14. Рассмотрим теперь ту особую ситуацию, когда для письменного текста предполагается искусственное церковное чтение.

Начнем с того случая, когда для текста предполагается правильным стандартное распределение букв ъ и о. Как известно, подавляющее большинство церковных текстов записано именно так.

Поскольку в данной ситуации фонемы /ъ/ вообще нет, основные чтения букв о и ъ одинаковы: о — /о/, ъ — тоже /о/. Разумеется, и в составе учебных складов в этом случае бо читается /бо/ и бѣ — тоже /бо/ (ср. Успенский 1988/1997, с. 145).

Примечание. Несмотря на омофонию о и ъ, такая запись всё же не может квалифицироваться как неполноразличительная, поскольку при отсутствии фонемы /ъ/ здесь нечего различать.

Чтобы в этой ситуации достичь на письме стандартного распределения букв ъ и о (или вообще какого бы то ни было неслучайного распределения этих букв), необходимы орфографические правила (ср. Живов 1984, с. 261). Перед нами обычное соотношение «одна фонема — две буквы»; ср. проблему выбора между и и ѝ, или ѡ и о, или ѣ и ѥ, или оу и ж и т. п. Общий принцип состоял здесь в том, чтобы писать так же, как в некотором наборе рукописей, признаваемых авторитетными (в разных школах письма такие наборы могли несколько различаться). Но в том, что касается именно о и ъ, в раннедревнерусскую эпоху наряду с этим принципом в ранге полезного практического приема, очевидно, существовало также правило, использующее живое древнерусское произношение пишущих: писать о там, где в этом произношении /о/, и ъ там, где /ъ/.

Профессиональные церковные писцы, т. е. люди, для которых была естественной также роль учителей, обладали навыками письма, соответствующими именно этой ситуации. Каков был результат обучения грамоте, когда его вел такой учитель?

Если он учил только чтению, то ученик усваивал принцип омофонии букв о и ъ, но не знал никаких орфографических правил. По мысли Б. А. Успенского (1988/1997, с. 159–160), ученик сам, «обобщая свои наблюдения, ... легко мог прийти к выводу, что буква ъ должна писаться тогда, когда в живом произношении слышится звук [ъ], а буква о — тогда, когда в живом произношении слышится звук [о]». Нет сомнений, однако, что самостоятельно приходили к такому выводу далеко не все, а лишь наиболее наблюдательные и вдумчивые. Основная масса учеников не задумывалась над распределением букв ъ и о и не искала для этого никаких правил. При письме они употребляли для записи фонемы /о/ ту или другую из

них произвольно. И точно так же они поступали при записи фонемы /ъ/ — ситуация тут ничем не отличается от разобранных в предыдущем параграфе. Это значит, что в тех случаях, когда такой ученик брался записывать уже не церковный текст, а свою обычную древнерусскую речь, он писал уже по неполноразличительной системе.

Таким образом, в данном случае одностороннее обучение грамоте при переходе от записи церковных текстов к записи живой речи порождает неполноразличительную систему.

Если такой учитель обучал не только чтению, но и письму, результат был иным. В этом случае ученика обучали также практическому приему «слышишь (в своей живой речи) /о/ — пиши о, слышишь /ъ/ — пиши ъ». Если при записи искусственного церковного произношения этот прием принадлежал лишь к сфере орфографии, то при записи обычной древнерусской речи он неминуемо должен был переосмысляться как элемент графической системы, т. е. как простой и прямолинейный принцип «о — это /о/, а ъ — это /ъ/». Правда, такой ученик скорее всего сохранял в памяти чтение склада бѣ как /бо/ и, возможно, при чтении по складам (или скандировании) всё еще произносил лѣбѣ как /ло-бо/, но для него это была уже традиционная условность. На практике он писал уже по стандартной системе.

Как мы видим, применение церковной системы записи к обычному древнерусскому языку ведет в практике мирских людей к неполноразличительной системе у тех, кто учился только читать, и к стандартной у тех, кто учился также и писать.

§ 15. Остается рассмотреть тот редкий случай, когда текст, предполагающий искусственное церковное чтение, записывается со смещением ъ — о. Примерами здесь могут служить берестяные грамоты № 419 (берестяная книжечка со стихирами, см. § 3) и № 727 (краткая запись чина службы на Фоминой неделе).

Понятно, что и в данном случае основное чтение о есть /о/, ъ — тоже /о/.

Чем отличается писец берестяной грамоты № 419 от книжного писца, который при записи такого же текста не смешивает ъ и о? Грубо говоря, тем, что в выборе между ъ и о он не руководствуется орфографическими правилами, а употребляет эти буквы произвольно. (Точнее, орфографическая регламентация здесь всё же есть, но она сведена к минимуму — к запрету употреблять ъ и ѣ в начале графического слога, см. § 13).

В документах этого рода к церковному тексту применен тот же принцип записи, что в обычной неполноразличительной системе. Их авторы, конечно, так же записывали и мирские тексты; ср. написанные по неполноразличительной системе записки духовных лиц (попов, игумены) — берестяные грамоты № 87, 549, 558, 717.

Духовные лица этой категории несомненно могли участвовать наряду с другими в обучении грамоте. Нетрудно убедиться в том, что такое обучение всегда должно было давать тот же самый результат, что в § 13, т. е. обычную неполноразличительную систему.

Резюмируем проведенный в § 12–15 разбор. В нормальном случае ученик начинал писать по стандартной системе, если его учитель был носителем стандартной системы, и по неполноразличительной — если тот был носителем неполноразличительной системы. Но в одном частном случае это было не так: если учитель был носителем стандартной системы, читавший тексты в церковном произношении, и обучал только чтению, но не письму, то ученик начинал писать по неполноразличительной системе.

§ 16. Выше каждая из графических систем рассматривалась так, как если бы она была единственной. В действительности, однако, ситуация была сложнее, поскольку все или почти все пишущие были фактически знакомы (хотя бы немного) не с одной, а с обеими конкурирующими системами. Для конкретного человека одна из них была более привычной, но знание второй могло в той или иной мере влиять на его практику письма, создавая элементы непоследовательности.

Так, редкие смешения $\text{ъ} - \text{о}$, $\text{ь} - \text{е}$, отмечаемые в большом количестве книжных памятников, представляют собой не что иное, как отклонение от норм стандартной системы в сторону неполноразличительной системы (ср. Живов 1984, с. 261).

Есть свидетельства того, что один и тот же человек мог писать по-разному в зависимости от характера ситуации: в более ответственных ситуациях он писал по стандартной системе, в менее ответственных — по неполноразличительной. Весьма показательна в этом отношении берестяная грамота № 724, где в основном тексте в том, что касается букв ъ , о , ь , е , допущено всего три отклонения от стандартных написаний, тогда как в приписке на обороте, носящей менее формальный характер, в классе $\langle \text{ъ} \rangle$ и $\langle \text{ь} \rangle$ доля нестандартных написаний, т. е. о , е , достигает 24% (см. ДНД, с. 297). Другой такой пример — запись писца Евсевия (цитируемая в этой связи в Успенский 1988, с. 152). В ней представлены эффекты $\text{ъ} \rightarrow \text{о}/\text{ъ}$ и $\text{ь} = \text{е}$; записей через о в классе $\langle \text{ъ} \rangle$ 67%, записей через е в классе $\langle \text{ь} \rangle$ 71%, в классе $\langle \text{е} \rangle$ — 67%. Между тем в самом тексте Евсевиева евангелия доля отклонений от стандартной системы составляет лишь 0,7% (см. § 2). Это значит, что, закончив сам текст евангелия и перейдя к тексту от себя, Евсевий уже позволил себе “расслабиться” и писать по той менее строго регламентированной системе, которой он привык пользоваться в быту.

С другой стороны, типовая картина, показанная выше (§ 3) на примере смоленского договора 1229 г., — относительно высокий про-

цент смещений на фоне преобладания стандартных написаний — возникает в результате наложения элементов стандартной системы на неполноразличительную. Основной для писца в таких случаях является неполноразличительная система. Но он несомненно знаком и со стандартной системой тоже. Помимо того, что многие орфограммы он запомнил в их стандартном виде (например, писец списка А договора 1229 г. совершенно последовательно пишет *не, же, аже, кто, гость* и др.), он знаком и с самим принципом « o — / o /, τ — нуль звука», хотя и применяет его без обязательности, свободно отступая от него в сторону более привычного для него безразличия в употреблении τ и o . Понятно, что это должно порождать статистические соотношения именно того типа, который реально наблюдается в списке А договора 1229 г. и подобных ему документах.

§ 17. Проведенный разбор показывает, в частности, что не следует приписывать выбор между эффектами $\tau = o$ и $\tau \rightarrow \tau/o$ самой системе (т. е. усматривать здесь разные подсистемы), и, соответственно, связывать это различие непосредственно с тем, чему именно учил в этом пункте учитель. Различие такого рода могло развиваться и в индивидуальном порядке. Весьма вероятно также, что если бы мы имели возможность наблюдать писца с эффектом $\tau \rightarrow \tau/o$ не на протяжении текста одной берестяной грамоты, а на дистанции в десятки раз большей, то мы столкнулись бы также с некоторым (хотя бы небольшим) числом случаев замены o на τ , т. е. реальностью оказались бы всё же эффект $\tau = o$ (хотя и с предпочтением к o). Во всяком случае в самых длинных текстах со смещением τ и o фиксируется именно эффект $\tau = o$ (а не односторонняя замена).

Более того, даже эффект $\tau \rightarrow o$ едва ли выдержал бы испытание подобной длинной дистанцией. Примеры типа блока Григория (§ 3) показывают, что даже на фоне очень устойчивой замены τ на o может всё же появиться единичный пример с τ . В самом деле, в условиях постоянной циркуляции текстов, использующих в числе прочих букву τ , трудно представить себе пишущего, для которого принципиально исключена возможность хотя бы раз употребить эту букву.

Таким образом, существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности букв τ и o , а варианты его реализации ($\tau = o$, $\tau \rightarrow \tau/o$ и даже $\tau \rightarrow o$) могут определяться просто индивидуальным узусом¹⁴.

С другой стороны, реальное наличие подсистем в рамках неполноразличительной системы определяется тем, захватывает ли смещение обе пары (τ — o и ψ — e) или только какую-то одну из них. В безусловном большинстве случаев, когда смещение вообще есть, оно наблюдается в обеих парах сразу. При этом, однако, формы его реа-

¹⁴ Соответственно, мы полагаем ныне, что целесообразнее говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе).

лизации могут быть в разных парах различны; например, в одной паре может проявляться явное предпочтение к *о*, а в другой — к *ѣ*; в разных парах может быть весьма различна интенсивность смещения и т. п.; ср. с этой точки зрения примеры, приводимые в § 3. Встречаются, наконец (хотя и весьма редко), такие тексты, где в одной из этих пар смещение представлено (причем достаточно ярко), а в другой отсутствует. Таким образом, коррелятивная связь между буквами *ѣ* и *ѣ* весьма сильна, но всё же не абсолютна.

Замечания о смещении *ѣ* с *е* и *ѣ* с *ч*

§ 18. Наряду со смещением *ѣ* — *о*, *ѣ* — *е* в берестяных грамотах и подобных им документах широко распространено смещение *ѣ* с *е* и *ѣ* (которого мы иногда попутно касались и выше). Основное различие между смещением *ѣ* — *е* и, например, *ѣ* — *е* состоит в том, что несовпадение фонем /*ѣ*/ и /*е*/ (во всех позициях, кроме одной) несомненно, тогда как в отношении фонем /*е*/ и /*ѣ*/ вопрос об их совпадении или несовпадении решается для каждой эпохи, каждого диалекта и каждой позиции отдельно, причем лишь на основе трудоемкого анализа и не всегда надежно. Поэтому смещение *ѣ* с *е* есть более сложный объект для анализа, чем смещение *ѣ* с *о* или *ѣ* с *е*: написание типа *вѣсть* (вместо *ѣвѣсть*) в принципе может быть результатом как чисто графического смещения *ѣ* и *е*, так и фонетического перехода /*ѣ*/ > /*е*/. Здесь, однако, нам нет необходимости рассматривать связанные с этим непростые проблемы. Достаточно констатировать, что по крайней мере в части случаев смещение букв *ѣ* с *е* (и *ѣ*) имеет чисто графическую, а не фонетическую природу.

В частности, практически ни в каких говорах не совпадали гласные фонемы, представленные, например, в *слѣдѣ* и в *медѣ* (даже если гласные в *слѣдѣ* и в *семѣ* в тех же говорах совпали). Соответственно, по крайней мере в той части, которая касается противопоставления слов типа *слѣдѣ* и типа *медѣ*, данное смещение оказывается вполне сходно с уже разобранным смещением *ѣ* — *о* или *ѣ* — *е*.

Заметим, что различие между графикой с *ѣ* и графикой без *ѣ* (с эффектом *ѣ* → *е*) совсем уже похоже на различие между графикой с *ѣ* и графикой без *ѣ* (иначе говоря, с эффектом *ѣ* → *е*); к тому же речь здесь идет просто об одном и том же корпусе словоформ. Ср., с одной стороны, противопоставление записей *слѣдѣ*, *семѣ*, *медѣ* (система с *ѣ*) и *следѣ*, *семѣ*, *медѣ* (система без *ѣ*), с другой — противопоставление записей *след*, *семѣ*, *мѣд* (система с *ѣ*) и *след*, *семѣ*, *мед* (система без *ѣ*).

Примечание. От обычного смещения *ѣ* с *е* и *ѣ* следует отличать тот особый случай, когда *ѣ* смешивается только с *ѣ*, а смещения *ѣ* с *е* (и *ѣ* с *о*) в памятнике нет. Такой особенностью обладают, например, берестяные грамоты № 509, 789, 818, 892. Можно предполагать, что такие писцы воспринимали *ѣ* как букву *ѣ* с дополнительным штрихом, причем используемым без полной обязательности (подобно, например, правой части буквы *ѣ*, которая тоже во многих памятниках может опускаться).

Как и в случае со смешением ъ — о, ь — е, запись с неразличением ѣ и е (часто с эффектом ѣ → е или ѣ → е/ь, т. е. вообще без буквы ѣ в практическом инвентаре пишущего) имеет очень старую традицию. Она наблюдается уже в XI в., причем в таких зонах (Киев, Новгород), где и позднее фонемы /е/ и /ѣ/ не смешиваются. Не занимаясь здесь вопросом о происхождении этой традиции, мы должны лишь констатировать, что перед нами еще один важный элемент неполноразличительной графической системы.

§ 19. Иную природу, нежели все рассмотренные выше смешения, имеет распространенное в новгородских, псковских, смоленских, полоцких и др. памятниках смешение букв џ и ч. Оно очевидным образом связано с фонетическим явлением — совпадением фонем /ц/ и /ч/. Для грамотных людей этой зоны буквы џ и ч находились в другом соотношении, чем на юге. На юге их различие было просто частью графической системы и для них не требовалось никаких орфографических правил; на севере и северо-западе это были омофоничные буквы, различие которых целиком относилось к ведению орфографии.

Этот пример в силу своей прозрачности весьма полезен для понимания более сложных случаев функционирования графических систем. Так, совершенно очевидно, что новгородские книжные писцы обычно осваивали (благодаря специальному обучению в сочетании с опытом чтения) орфографические правила распределения букв џ и ч (см. Живов 1984, 1986). Высококвалифицированный новгородский писец мог писать в этом отношении почти без ошибок. С другой стороны, в новгородской бытовой письменности (как, впрочем, также и в некоторых книжных памятниках) мы видим иную картину: буквы џ и ч употребляются безотносительно (или почти безотносительно) к этимологии; они свободно смешиваются — иногда примерно в равных пропорциях, иногда с явным предпочтением к какой-то одной букве; возможно, наконец, и последовательное употребление лишь одной из этих букв (преимущественно џ).

Всё это разительным образом напоминает картину распределения ъ и о в разных категориях памятников. Между тем, как мы знаем, на фонетическом уровне ситуации тут совершенно различны: буквами ъ и о обслуживаются две разные фонемы, а буквами џ и ч — единая древненовгородская фонема /ц"/. Чем же объяснить отмеченное сходство? Очевидно, тем, что уже было констатировано выше: буквы ъ и о носителями неполноразличительной системы осознавались как омофоничные, т. е. совершенно так же, как буквы џ и ч. Разница, состоящая в том, что џ (как и ч) было средством передачи всего одной фонемы (/ц"/), а ъ (как и о) — средством передачи двух разных фонем, в данном случае совершенно непринципиальна.

Произвольное распределение омофоничных букв (как џ — ч, так и ъ — о) отражает свободу от правил орфографии, характерную для тех, кого учили только читать.

Проблема происхождения неполноразличительной графической системы

§ 20. Как мы видели, при любом из вариантов процесса обучения те, кого учил грамоте носитель неполноразличительной графической системы, писали по этой же системе (хотя и необязательно с теми же самыми предпочтениями в выборе между ъ и о, что у учителя).

Но особенно существенно другое: если исходить из естественного древнерусского произношения (§ 12–13), то невозможно, чтобы те, кого обучал грамоте носитель стандартной системы (даже если это было обучение только чтению), начали писать по неполноразличительной системе. В самом деле, раз усвоив основные чтения «о — /о/, ъ — /ъ/», ученик уже не мог вдруг забыть, что буквы о и ъ передают разные звуки; точнее говоря, вероятность этого не больше и не меньше, чем того, что он забыл бы разницу между о и у или и и ы и т. п. Иначе говоря, в таких условиях неполноразличительная система не могла родиться просто из плохого освоения стандартной системы.

В качестве вероятной причины формирования графической системы со смешением ъ — о, ъ — е часто указывают прояснение древнерусских сильных редуцированных. Однако, как уже было показано выше (§ 9), параллельное употребление ъ и о в случаях типа *възьми* или *возьми*, *мълви* или *молви* и т. п., естественное для зоны прояснения еров в период протекания этого процесса, не могло само по себе превратиться во всеобщее безразличное употребление ъ и о во всех позициях.

Кроме того, попытка объяснить возникновение неполноразличительной системы с ъ = о, ъ = е через прояснение древнерусских сильных редуцированных наталкивается на непреодолимое хронологическое препятствие. Самый ранний ныне известный древнерусский памятник со смешением ъ и о — найденный в 1999 г. при раскопках в Новгороде деревянный цилиндр (играющий роль замка на мешке) с надписью *мѣшницѣ лазорево мѣхо* 'мешок мечника Лазоря'; он датируется первой половиной XI в. Следующий по времени памятник этой категории — берестяная грамота № 613 — относится к 30-м — 50-м годам XI в. Относить к столь раннему времени прояснение древнерусских сильных редуцированных (причем массовое, поскольку единичные случаи заведомо не могут повлиять на систему) не решатся даже сторонники самых ранних датировок этого процесса.

Наиболее правдоподобной оказывается уже существующая гипотеза о наследовании принципа омофонии ъ и о, сложившегося в соответствии с тем типом церковного чтения, где вместо /ъ/ и /ь/ произносились /о/ и /е/. Как мы видели выше (§ 14), для формирования неполноразличительной системы достаточно: 1) перенести систему с омофонией букв ъ и о из сферы искусственного церковного произношения в сферу древнерусского языка в его естественном произношении; 2) лишить эту систему сопровождающего ее комплекса орфографических правил. Первое — вполне правдоподобный культур-

но-исторический шаг. Второе происходит автоматически, если обучают только чтению, но не письму.

Фундаментальный принцип неполноразличительной системы — омофония букв ъ и о — имеет, таким образом, церковное, а не бытовое происхождение. Но сама неполноразличительная система как таковая, предполагающая неразличение фонем /ъ/ и /о/, образуется лишь после применения указанного принципа к языку, где имеются обе эти фонемы, и освобождения данного типа письма от орфографии. Последнее же определяется особенностями именно бытового узуса — в первую очередь спецификой обучения грамоте в бытовой среде. Таким образом, “погружение” системы с омофонией ъ и о в более низкую социальную сферу, где широко практикуется одностороннее (т. е. лишь начальное) обучение грамоте, оказалось определяющим фактором формирования неполноразличительной графической системы.

Это значит, между прочим, что даже с точки зрения формирования неполноразличительной системы обозначение “бытовая” не лишено некоторого основания: хотя первоисток этой системы церковные, она приобретает свои определяющие качества лишь в результате “погружения” в бытовую среду.

Контуры эволюции неполноразличительной системы

§ 21. Неполноразличительная система активно применялась в бытовой сфере в течение ряда веков. Рассмотренные в § 12–15 механизмы наследования и трансформации графических систем позволяют понять причины такой устойчивости. Неполноразличительная система сохранялась за счет двух основных факторов.

Во-первых, значительная часть детей из средних и нижних социальных слоев, которые вообще учились грамоте, учились ей у носителей неполноразличительной системы. Часто это были не профессиональные учителя, а просто старшие из членов семьи или соседей и различные церковные люди из приходской церкви. При этом традиция неполноразличительного письма явно обладала определенным ценностным статусом. В глазах ее носителей (многие из которых несомненно знали о существовании стандартной системы) она стояла иерархически ниже, чем стандартная, но отнюдь не была ошибочной или зазорной; в бытовых ситуациях она могла даже расцениваться как более уместная.

Во-вторых, традиция употребления неполноразличительной системы подпитывалась механизмом, разобранным в § 14: те, кто учился у церковных учителей только чтению, но не письму, обычно “впадали” — не только в начальный момент письменной эпохи, но и в последующие века — в неполноразличительную систему.

Как уже было отмечено, степень употребительности графической системы со смешением ъ — о, ь — е в разные периоды весьма различна. Соответствующая кривая круто возрастает в XII в., достигает

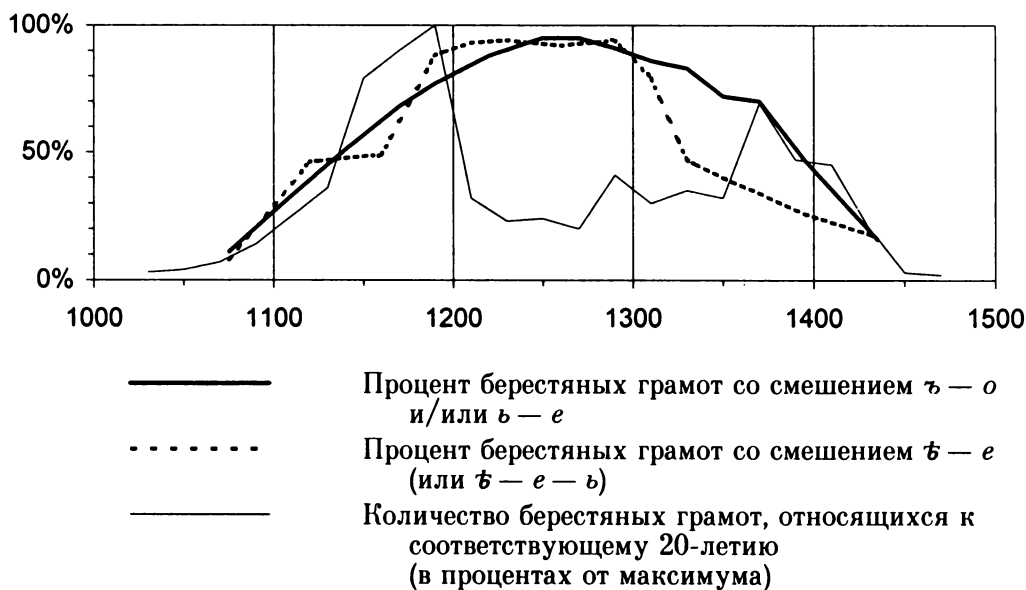
максимума в XIII в., после чего начинает падать и в XV в. опускается уже весьма низко.

Как объяснить возрастающую часть этой кривой?

Попытка связать резкое увеличение доли грамот, смешивающих ъ и о, ь и е, с начавшимся в XII в. прояснением сильных редуцированных наталкивается на слишком большие трудности. Помимо того, что неясен сам механизм этого гипотетического влияния, серьезнейшее препятствие на пути такого объяснения составляет тот факт, что почти такую же кривую, как для смешения ъ — о, ь — е, образует смешение ѣ с е (и ь). Между тем ни в начале XII в., ни в XIII в. никакого смешения фонем /ѣ/ и /е/ в Новгороде не происходило: эти фонемы прекрасно различались здесь и позже. Это значит, что степень употребительности графической системы со смешением определялась не фонетическими процессами, а какими-то другими причинами.

Поиск таких причин привел нас к весьма неожиданному сопоставлению: обнаружилось, что в интервале с начала XI по конец XII в. с кривыми степени распространенности неполноразличительных систем близко сходна кривая совершенно иного рода, а именно, кривая изменения во времени общего количества берестяных грамот, относящихся к периодам равной длины (допустим, 20-летним).

Ниже приводится диаграмма, содержащая графики изменения во времени следующих трех параметров: 1) доля берестяных грамот со смешением ъ — о и/или ь — е; 2) доля берестяных грамот со смешением ѣ — е (или ѣ — е — ь); 3) относительное количество грамот, принадлежащих к каждому из двадцатилетий рассматриваемого хронологического интервала (в процентах от максимального известного ныне количества¹⁵).

¹⁵ Этим максимумом являются 111 грамот, относящиеся к последнему 20-летию XII в.

Пояснения к диаграмме. Все цифры приводятся для корпуса берестяных грамот, известных к концу 1999 г. (для Новгорода это № 1–915). Блок грамот рассматривается как единство, т. е. приравнивается при подсчетах к единой грамоте (тем самым подсчеты отражают фактически не число грамот, а число людей, которые их писали). Всякая грамота (или блок) соотнесена (в части случаев с некоторой долей условности) с одним из 20-летних отрезков, на которые разделен рассматриваемый хронологический интервал (а именно, с тем отрезком, к которому вероятнее всего относится дата ее написания). Доля грамот со смешением ъ — о или ь — е исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где <ѡ>, <ѣ> представлены не менее двух раз; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения ѡ с о и/или ѣ с е¹⁶. Доля грамот со смешением ѣ — е (или ѣ — е — ь) исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где <ѣ> представлен не менее двух раз, кроме грамот с эффектом ѣ → и; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения ѣ с е¹⁷. В графиках смешений в нескольких случаях использованы усредненные показатели по двум соседним двадцатилетиям (чтобы устранить или уменьшить эффект случайного разброса показателей, связанный с ограниченностью имеющегося материала). Графики смешений не доведены до самых краев рассматриваемого хронологического интервала, поскольку для его крайних отрезков слишком мало материала.

§ 22. Диаграмма прежде всего наглядно подтверждает то, что уже было сказано выше: степень распространенности смешения ѡ, ь с о, е и смешения ѣ с е (и ь) изменяется во времени почти одинаковым образом¹⁸ (если не считать некоторого различия темпов отступления в XIV в.). Это говорит о существенном единстве разных аспектов неполноразличительной системы.

Другой важный факт, демонстрируемый этой диаграммой, состоит в том, что на протяжении XI и XII вв. обе эти кривые довольно похожи также на кривую изменения общего количества берестяных грамот.

В связи с последней кривой необходимо прежде всего заметить, что она не имеет никакого отношения к тому, сколько времени долж-

¹⁶ Такая методика подсчета не безупречна, но всё же риск ошибки здесь существенно меньше, чем если бы мы включали в число написанных стандартно также и фрагментик, где встретился всего один случай стандартной записи для <ѡ> или <ѣ>, а никаких других <ѡ> или <ѣ> нет.

¹⁷ Особый случай составляет смешение только ѣ с ь, при отсутствии смешения ь с е и ѡ с о (см. примечание в § 18). Такое смешение в расчет не принимается, т. е. грамоты с этой особенностью (весьма немногочисленные) приравниваются к написанным стандартно.

¹⁸ Несколько бо́льшая плавность кривой для ѡ, ь — о, е, чем для ѣ — е, определяется в основном просто тем, что общее число грамот, содержащих удовлетворительное количество материала, в первом случае в полтора раза больше, чем во втором.

ны были пролежать в земле грамоты соответствующего века: чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить общее количество грамот в XIII и в XII в. Таким образом, если от XII в. до нас дошло примерно в 12 раз больше берестяных грамот, чем от XI в., то это значит просто то, что в XI в. писали меньше.

Какую же связь можно представить себе между экспансией неполноразличительной (бытовой) графической системы и общим ростом интенсивности письменной деятельности?

Уже сам вид соответствующей кривой подводит нас к предположению о том, что в XI в. письмо еще было в основном элитарным занятием, тогда как в XII в. социальный состав пишущих резко расширился. По-видимому, для Новгорода это допустимо связывать, хотя бы отчасти, с формированием республиканского строя. Состав авторов дошедших до нас берестяных грамот XI в. вполне согласуется с таким предположением: насколько можно судить, едва ли не все они принадлежат к привилегированному слою общества; в основном это административные лица, в нескольких случаях также церковные.

Можно представить себе, что такие люди имели возможность пройти полное обучение грамоте — как чтению, так и письму. Как уже показано, в этом случае естественным результатом оказывается письмо по стандартной системе — как при учителе-церковнике, ориентированном на церковное чтение, так и при светском учителе, который сам пишет по стандартной системе.

Наряду с этим существует также и суженное (одностороннее) обучение грамоте, которое порождает неполноразличительную систему. Но степень ее распространения в XI в. еще весьма незначительна: узок круг людей, которых обучали именно так.

С резким расширением этого круга, которое наступает в начале XII в., выходит на простор и неполноразличительная (бытовая) графическая система. Вдобавок в этом кругу в число обучающихся все чаще входят просто старшие, которые сами пишут по этой системе. Соответственно, расширение круга грамотных людей и расширение числа людей, пишущих по-бытовому, в значительной мере оказываются просто двумя сторонами одного и того же процесса. Если предлагаемая схема верна, то в результате должна возникнуть картина именно того типа, что мы видим на нашей диаграмме.

К началу XIII в. процесс уже почти достигает своего логического завершения: в бытовой сфере господствует неполноразличительная система. Резкое уменьшение общего объема письменной деятельности в XIII в., связанное с новой политической и экономической ситуацией, уже никак не может изменить этого обстоятельства.

Лишь в XIV в. установившаяся традиция бытового письма начинает отступать, постепенно уступая место господствующей в книжной и официальной письменности стандартной системе. В XIV — 1 пол. XV в. это отступление идет сравнительно быстро; но в реликтовой форме данная система продолжает существовать еще довольно долго.

Вероятно, по крайней мере, одной из причин, определивших существенное отступление бытовой системы письма в XIV в., была описанная Б. А. Успенским (1988/1997, с. 162–163, 180) трансформация церковного (книжного) произношения, состоявшая в замене прежнего искусственного произношения реальным и, соответственно, прежнего чтения склада *бъ* (и т. п.) как */бо/* новым чтением */бѡ/*. Тем самым был устранен один из двух источников устойчивости непоноразличительной системы (см. § 21). Дальнейшее ее существование могло опираться уже только на традицию. Заметим, что сама реконструкция указанной трансформации, опирающаяся лишь на косвенные данные, получает тем самым некоторое дополнительное подтверждение.

Благодарю А. А. Гиппиуса за сделанные им при чтении предварительного варианта настоящей статьи конструктивные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1912 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
- ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Дурново 1924–27 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог, IV, с. 72–95; V, с. 93–117; VI, с. 11–64.
- Живов 1984 — В. М. Живов. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв. // Russian Linguistics, vol. 8 (1984), № 3, р. 251–253.
- Живов 1986 — В. М. Живов. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // Russian Linguistics, vol. 10 (1986), р. 291–306.
- Зализняк 1979 — А. А. Зализняк. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 134–152.
- Зализняк 1982 — А. А. Зализняк. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982, с. 82–85.
- Касаткин 1996 — Л. Л. Касаткин. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996, с. 243–255.
- Кипарский 1960 — V. Kiparsky. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // “Neuphilologische Mitteilungen”, LXI, № 2. Helsinki, 1960, S. 244–248.
- Крысько 1998 — В. Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания, 1998, № 3, с. 74–93.
- НГБ 1977–83 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

- Сидоров 1953 — *В. Н. Сидоров*. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Труды Института языкознания, т. 2, 1958.
- Соболевский 1900 — *А. И. Соболевский* (рец.). Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова ... СПб, 1899 // ЖМНП, т. 327, январь, с. 185–193.
- Страхов 1995 — *А. Б. Страхов*. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI–IX // *Palaeoslavica*, III (1995). P. 231–279.
- Тот 1978 — *И. Х. Тот*. К изучению одноеровых памятников XI в. // *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIV, 1978, p. 229–258.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Успенский 1970/1997 — *Б. А. Успенский*. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкознания, 1970, № 5, с. 80–100. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 246–288.
- Успенский 1988/1997 — *Б. А. Успенский*. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с. 99–156. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 143–208.